

**ПРОЦЕСС РАССМОТРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДЕЛ В
ГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДАХ И В МЕЖДУНАРОДНОМ
КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И
ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН**

Анваров Демиралли Тахир угли

Студент 3 курса факультета Международного права и сравнительного правоведения
Ташкентского государственного юридического университета.
e-mail: anvarovdemirali@gmail.com

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ двух основных моделей разрешения экономических споров, действующих в Республике Узбекистан, — рассмотрения дел экономическими судами в рамках государственной судебной системы и разрешения коммерческих споров в порядке международного коммерческого арбитража. Автор исследует нормативно-правовую базу обеих процедур, выявляет их сильные и слабые стороны на основе анализа национального законодательства, зарубежного опыта и судебно-арбитражной практики, а также формулирует конкретные предложения по совершенствованию узбекистанской модели разрешения экономических споров. Особое внимание уделяется проблеме доверия иностранных инвесторов к национальной судебной системе и роли Закона Республики Узбекистан «О международном коммерческом арбитраже» от 16 февраля 2021 года в реформировании инвестиционного климата страны.

Ключевые слова: экономический суд, международный коммерческий арбитраж, Республика Узбекистан, арбитражная оговорка, Нью-Йоркская

конвенция 1958 года, Типовой закон ЮНСИТРАЛ, исполнение арбитражных решений, инвестиционный климат.

1. Введение

Экономическая реформа, проводимая в Республике Узбекистан с середины 2010-х годов, неразрывно связана с задачей построения предсказуемой и эффективной системы разрешения коммерческих споров. Иностраный инвестор, принимая решение о вложении капитала в узбекистанскую экономику, оценивает не только налоговый режим и доступ к рынку, но и то, каким образом будет защищено его право в случае конфликта с контрагентом или государством. Именно поэтому вопрос соотношения двух конкурирующих, но не взаимоисключающих механизмов — государственного экономического правосудия и международного коммерческого арбитража — приобретает не узкоотраслевое, а стратегическое значение.

Экономический процессуальный кодекс Республики Узбекистан остаётся основным источником, регулирующим возбуждение экономических дел, подготовку дела к судебному разбирательству, доказывание, вынесение и исполнение судебных актов. Параллельно с этим Закон Республики Узбекистан «О международном коммерческом арбитраже» № ЗРУ-674 от 16 февраля 2021 года, прямо основанный на Типовом законе ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 года в редакции 2006 года, создал современную правовую платформу для альтернативного разрешения споров с участием иностранного элемента. Сосуществование этих двух систем

порождает закономерный вопрос: какая из них эффективнее защищает интересы участников экономического оборота и при каких условиях предпочтительнее обращаться к одной из них.

Автор настоящей статьи исходит из того, что государственное правосудие и арбитраж не должны рассматриваться как антагонисты. Каждый из этих институтов обладает собственной сферой сравнительных преимуществ, и задача законодателя состоит не в вытеснении одного механизма другим, а в выстраивании такой модели их взаимодействия, при которой стороны экономического оборота могли бы осознанно выбирать наиболее подходящий для конкретного спора способ защиты права. Этим определяется структура статьи: вначале рассматривается нормативная база обеих процедур, затем последовательно анализируются их преимущества и недостатки, после чего привлекается зарубежный опыт для сравнительной оценки, и в завершение формулируются конкретные предложения по совершенствованию узбекистанского законодательства и правоприменительной практики.

2. Нормативно-правовая основа рассмотрения экономических споров в Республике Узбекистан

Конституция Республики Узбекистан закрепляет гарантии судебной защиты прав и законных интересов участников экономической деятельности [1], что образует конституционно-правовой фундамент для всей системы разрешения коммерческих споров, включая как государственное правосудие, так и негосударственные альтернативные процедуры. Указанная гарантия

носит универсальный характер: она в равной мере распространяется на лицо, обращающееся в экономический суд, и на сторону арбитражного соглашения, реализующую право на негосударственную форму защиты, поскольку само по себе обращение к арбитражу представляет собой не отказ от судебной защиты, а её альтернативную реализацию, основанную на договорной автономии воли сторон.

На уровне отраслевого регулирования государственное правосудие по экономическим делам опирается на Экономический процессуальный кодекс Республики Узбекистан [2], который детально регламентирует порядок возбуждения дела, подготовки его к судебному разбирательству, рассмотрения спора по существу, оценки доказательств, вынесения судебного акта и его последующего принудительного исполнения. Принудительное исполнение, в свою очередь, регулируется Законом Республики Узбекистан «Об исполнении судебных актов и актов иных органов» [3], который имеет значение и для арбитражной формы разрешения споров, поскольку в равной степени применяется к исполнению как судебных решений, так и решений, вынесенных в порядке международного коммерческого арбитража и третейского разбирательства.

Альтернативные механизмы разрешения экономических споров в Узбекистане структурированы по трём уровням. Во-первых, это внутренний третейский суд, регулируемый Законом «О третейских судах» № ЗРУ-64 от 16 октября 2006 года [4], предназначенный преимущественно для споров между резидентами без иностранного элемента. Во-вторых, это международный коммерческий арбитраж, регулируемый профильным

Законом № ЗРУ-674 от 16 февраля 2021 года [5], который, как отмечает узбекистанский учёный И.Б. Рустамбеков, исследовавший этот закон в своей работе «The New and First International Commercial Arbitration Law» [6], стал первым в истории независимого Узбекистана комплексным актом такого уровня, гармонизированным с международными стандартами. В-третьих, это медиация, регулируемая Законом «О медиации» [7], которая в сочетании с арбитражем образует двухуровневую систему внесудебного урегулирования споров, всё активнее используемую участниками делового оборота.

На международном уровне центральное место занимает Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года [8], к которой Узбекистан присоединился и которая образует основу трансграничного признания арбитражных решений, вынесенных как на территории республики, так и за её пределами. Дополняют её Типовой закон ЮНСИТРАЛ 1985 года в редакции 2006 года [9], Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ 2013 года [10] и Комментарии ЮНСИТРАЛ по организации арбитражного разбирательства 2016 года [11], которые, не имея обязательной силы, тем не менее выступают авторитетным ориентиром для арбитров и судов при толковании процессуальных вопросов. Совокупность данных источников образует целостную нормативную архитектуру, в рамках которой и должен анализироваться вопрос о сравнительных преимуществах государственного и арбитражного порядка разрешения экономических споров.

3. Государственные экономические суды: преимущества и недостатки рассмотрения экономических дел

Основным преимуществом государственного экономического правосудия является его общедоступность и принудительный характер юрисдикции: истцу не требуется заключать с ответчиком какое-либо соглашение для того, чтобы инициировать судебное разбирательство, — достаточно обладания материально-правовым требованием и соблюдения процессуальных условий, предусмотренных Экономическим процессуальным кодексом. Это принципиально отличает государственный суд от арбитража, юрисдикция которого, как будет показано далее, целиком производна от воли сторон, выраженной в арбитражном соглашении. Применительно к спорам, в которых одна из сторон уклоняется от заключения арбитражного соглашения или попросту не имела возможности предусмотреть его заранее (например, в деликтных требованиях, связанных с экономической деятельностью), государственный суд остаётся единственным доступным форумом.

Вторым существенным преимуществом является относительная предсказуемость и единообразие практики. Российский процессуалист М.К. Треушников, известный специалист по теории судебных доказательств, в своей работе «Судебные доказательства» [12] подчёркивал, что устойчивость процессуальной формы и единые правила доказывания обеспечивают предсказуемость исхода дела для участников оборота лучше, чем гибкие, индивидуализированные процедуры. Применительно к узбекистанской практике это означает, что субъект предпринимательства, обращающийся в

экономический суд, может заранее оценить свои процессуальные риски, опираясь на устоявшуюся практику применения Экономического процессуального кодекса, тогда как состав и регламент конкретного арбитража формируются индивидуально для каждого спора и потому менее предсказуемы на старте разбирательства.

Третьим преимуществом, особенно значимым для малого и среднего бизнеса, выступает существенно более низкая стоимость разбирательства. Государственная пошлина по экономическим делам в Узбекистане в разы ниже совокупных расходов на арбитраж, которые включают гонорары арбитров, административные сборы институционального арбитражного учреждения, а также, как правило, оплату услуг представителей с почасовой ставкой, ориентированной на международный рынок юридических услуг. Узбекистанский учёный Б.А. Каримов в работе «Экономическое процессуальное право Республики Узбекистана» [13] обоснованно указывает, что доступность правосудия по экономическим делам выступает не только процессуальной, но и социально-экономической гарантией защиты прав субъектов предпринимательства, не обладающих значительными финансовыми ресурсами.

Вместе с тем государственное правосудие по экономическим делам в Узбекистане сталкивается с рядом системных проблем, которые объективно снижают его привлекательность для участников международного коммерческого оборота. Первая проблема — это длительность судебного разбирательства, усугубляемая возможностью многократного обжалования судебного акта в апелляционном, кассационном и надзорном порядке, что

способно растянуть окончательное разрешение спора на значительный срок. Узбекистанский исследователь А.Н. Нормуродов в работе «Проблемы совершенствования судебной защиты прав субъектов предпринимательства» [14] прямо указывает на избыточную инстанционность как один из факторов, подрывающих оперативность защиты прав предпринимателей, и предлагает оптимизировать число пересмотров судебных актов по экономическим делам.

Вторая проблема — это вопрос доверия иностранных контрагентов к беспристрастности национального суда в спорах, одной из сторон которых выступает государственный орган, государственное предприятие или субъект с государственным участием. Российский процессуалист Г.А. Жилин в работе «Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы» [15] отмечает, что восприятие судебной системы как независимой формируется не только реальной независимостью судей, но и институциональными гарантиями, отделяющими суд от исполнительной власти; для иностранного инвестора, не знакомого детально с устройством национальной судебной системы, сам факт того, что ответчиком выступает аффилированная с государством структура, а суд формально входит в систему государственных органов, создаёт субъективное ощущение конфликта интересов, даже если на практике такого конфликта не существует.

Третья проблема — отсутствие конфиденциальности: судебное разбирательство по экономическим делам, за редкими исключениями, носит открытый характер, а материалы дела и судебные акты могут стать достоянием третьих лиц, включая конкурентов. Для компаний,

чувствительных к репутационным рискам, либо для споров, затрагивающих коммерческую тайну, ноу-хау или условия конфиденциальных коммерческих договоров, открытость судебного процесса является существенным сдерживающим фактором при выборе форума разрешения спора.

Наконец, четвёртая проблема связана с языком и применимым правом: экономическое судопроизводство в Узбекистане ведётся на государственном языке, а применимым правом по умолчанию выступает узбекистанское материальное право, что создаёт дополнительные издержки и неопределённость для иностранного участника сделки, привыкшего вести бизнес на английском языке и структурировать договоры по английскому или иному распространённому в международной торговле праву.

4. Международный коммерческий арбитраж в Узбекистане: преимущества и недостатки

Принятие Закона «О международном коммерческом арбитраже» № ЗРУ-674 стало системным шагом по приведению узбекистанского арбитражного законодательства в соответствие с международными стандартами. Гэри Борн (Gary B. Born), американский юрист, считающийся одним из ведущих мировых специалистов по международному арбитражу и автором фундаментального труда «International Commercial Arbitration» [16], неоднократно подчёркивал в своих работах, что внедрение государством Типового закона ЮНСИТРАЛ в национальное законодательство само по себе выступает сигналом для иностранных инвесторов о готовности государства ограничить вмешательство собственных судов в арбитражный процесс и

признавать решения, вынесенные негосударственными органами. Применительно к Узбекистану это означает, что принятие закона 2021 года является не просто технической имплементацией международного образца, а политическим заявлением о смене парадигмы — от тотального контроля государственных судов над хозяйственными спорами к признанию автономии воли договаривающихся сторон.

Центральным преимуществом арбитража выступает принцип автономности (separability) арбитражного соглашения от основного договора, в силу которого недействительность или незаключённость основного контракта сама по себе не влечёт недействительности содержащейся в нём арбитражной оговорки. Этот принцип был сформулирован Верховным судом США в деле *Prima Paint Corp. v. Flood & Conklin Manufacturing Co.* (1967) [17], где суд указал, что вопрос о действительности самого договора, в отличие от вопроса о действительности арбитражной оговорки, подлежит рассмотрению арбитрами, а не государственным судом. Закон Узбекистана № ЗРУ-674, следуя статье 16 Типового закона ЮНСИТРАЛ, прямо воспроизводит данный принцип, что существенно повышает предсказуемость арбитражного разбирательства: ответчик не может парализовать арбитраж простым заявлением о недействительности всего договора.

Вторым значимым преимуществом является широкое толкование арбитражных соглашений, выработанное современной практикой. В деле *Fiona Trust & Holding Corporation v Privalov*, рассмотренном Палатой лордов Великобритании в 2007 году [18], суд установил презумпцию, согласно

которой разумные коммерсанты, включая в договор арбитражную оговорку, намерены передать на рассмотрение арбитража все споры, вытекающие из их правоотношения, а не только узкий перечень буквально перечисленных требований. Данный подход снижает риск параллельных разбирательств в государственном суде и арбитраже по смежным требованиям и в целом соответствует духу узбекистанского закона, направленного на минимизацию вмешательства государственного суда в компетенцию арбитража, закреплённую принципом «компетенции компетенции» (Kompetenz-Kompetenz).

Третье преимущество — конфиденциальность арбитражного разбирательства, отсутствие публичности и возможность сторон самостоятельно определять язык процесса, применимое право и процедурные правила, что особенно ценно для трансграничных коммерческих контрактов. Маргарет Мозес (Margaret L. Moses), американский профессор права и автор работы «The Principles and Practice of International Commercial Arbitration» [19], отмечает, что именно процессуальная гибкость и возможность адаптировать арбитражную процедуру к специфике конкретного спора и отрасли составляют отличительную черту арбитража по сравнению с жёстко формализованным государственным процессом.

Четвёртое преимущество — упрощённый механизм международного признания и принудительного исполнения арбитражного решения благодаря участию Узбекистана в Нью-Йоркской конвенции 1958 года, которая предусматривает закрытый перечень оснований для отказа в признании и исполнении иностранного арбитражного решения и тем самым существенно

ограничивает дискрецию государственного суда страны исполнения. Альберт Ян ван ден Берг (Albert Jan van den Berg), нидерландский юрист, признанный одним из ведущих мировых экспертов по применению Нью-Йоркской конвенции и автор труда «The New York Arbitration Convention of 1958» [20], указывает, что эффективность конвенции обусловлена именно узостью оснований для отказа в исполнении, что выгодно отличает арбитражное решение от иностранного судебного решения, признание и исполнение которого, как правило, требует наличия двустороннего международного договора о правовой помощи.

Вместе с тем арбитраж в Узбекистане не лишён собственных существенных недостатков. Прежде всего, это вопрос определения применимого права к самому арбитражному соглашению — проблема, ставшая предметом резонансных споров в практике английских судов. В деле *Sulamérica Cia Nacional de Seguros SA v Enesa Engenharia SA* (2012) [21] Апелляционный суд Англии и Уэльса сформулировал трёхступенчатый тест для определения права, применимого к арбитражной оговорке, при отсутствии прямого указания сторон. Позднее в деле *Enka Insaat Ve Sanayi AS v OOO Insurance Company Chubb* (2020) [22] Верховный суд Великобритании скорректировал данный подход, установив, что при отсутствии прямого выбора права к арбитражному соглашению, как правило, применяется право места проведения арбитража (*lex arbitri*). Применительно к узбекистанским контрактам с участием иностранного элемента подобная неопределённость означает, что стороны, не предусмотревшие в договоре отдельное указание на право, применимое именно к арбитражной оговорке (а

не только к договору в целом), рискуют столкнуться с дорогостоящим преюдициальным спором о применимом праве ещё до рассмотрения дела по существу.

Вторая проблема — это риск отказа в признании или исполнении арбитражного решения со стороны государственного суда по основаниям, связанным с публичным порядком или ненадлежащим оформлением арбитражного соглашения. Дело *Dallah Real Estate v Ministry of Religious Affairs*, рассмотренное Верховным судом Великобритании в 2010 году [23], наглядно показало, что государственный суд места исполнения вправе самостоятельно, заново, оценить вопрос о наличии действительного арбитражного соглашения, связывающего конкретное лицо, даже если состав арбитража уже признал себя компетентным рассматривать спор против этого лица. Данный прецедент свидетельствует о том, что окончательность арбитражного решения носит не абсолютный, а относительный характер: она ограничена правом суда государства исполнения провести собственную проверку юрисдикционных предпосылок, что для узбекистанских предпринимателей, заключающих контракты с государственными ведомствами и предприятиями, означает необходимость особо тщательного оформления арбитражных соглашений, включая чёткое определение круга лиц, связанных арбитражной оговоркой.

Третья проблема носит сугубо узбекистанский, переходный характер: молодость национальной арбитражной инфраструктуры. Закон № ЗРУ-674 действует менее пяти лет, в связи с чем практика узбекистанских государственных судов по вопросам содействия арбитражу (обеспечительные

меры, оспаривание решений, признание и исполнение) ещё не накопила достаточного объёма для формирования устойчивых правовых позиций, что создаёт определённую неопределённость для сторон, впервые обращающихся к данному механизму на территории республики. Кроме того, сохраняется дефицит квалифицированных арбитров, специализирующихся именно на сложных трансграничных коммерческих спорах, что объективно вынуждает узбекистанские компании привлекать иностранных арбитров и тем самым увеличивает стоимость разбирательства.

Четвёртая проблема связана с издержками: вопреки распространённому представлению о том, что арбитраж дешевле государственного суда, на практике совокупная стоимость институционального арбитража по сложному коммерческому спору (административные сборы, гонорары трёх арбитров, расходы на представителей) зачастую существенно превышает аналогичные расходы в государственном суде. Уильям Парк (William W. Park), американский профессор права, специализирующийся на международном арбитраже и автор работы «International Forum Selection» [24], указывает, что экономическая целесообразность арбитража проявляется прежде всего в делах с высокой ценой иска и значительным трансграничным элементом, тогда как для споров средней и небольшой суммы традиционный судебный порядок зачастую остаётся более рациональным выбором.

5. Сравнительный анализ зарубежного опыта и его значение для Узбекистана

Сопоставление узбекистанской модели с законодательством развитых юрисдикций позволяет выявить направления её дальнейшего совершенствования. Английский Закон об арбитраже 1996 года (Arbitration Act 1996) [25] исходит из принципа минимального вмешательства государственного суда в арбитражное разбирательство, прямо закрепляя данный принцип в качестве одной из основополагающих целей закона (раздел 1). Соответствующий подход подкрепляется Правилами гражданского судопроизводства Англии и Уэльса (Civil Procedure Rules) [26], которые предусматривают узкий и формализованный перечень оснований для обращения в суд по арбитражным вопросам. Узбекистанский Закон № ЗРУ-674 в целом разделяет данную философию, однако правоприменительная практика судов, рассматривающих заявления об оспаривании или принудительном исполнении арбитражных решений, ещё не выработала столь же устойчивых сдерживающих стандартов, и потому декларируемый в законе принцип минимального вмешательства нуждается в подкреплении через судебные разъяснения и обобщение практики Верховного суда Республики Узбекистан.

Федеральный закон США об арбитраже 1925 года (Federal Arbitration Act) [27], действующий уже столетие, демонстрирует иной аспект зрелой арбитражной системы — глубоко проработанную судебную доктрину о пределах судебного контроля за арбитражными решениями, сформированную не столько текстом закона, сколько обширной прецедентной практикой федеральных судов. Для Узбекистана, относящегося к романо-германской правовой семье, прямое заимствование

прецедентного метода невозможно, однако сама идея системного обобщения практики применения Закона № ЗРУ-674 в форме официальных разъяснений Верховного суда представляется вполне реализуемой и крайне востребованной формой адаптации зарубежного опыта.

Опыт Германии, где институт международного арбитража кодифицирован в Книге 10 Гражданского процессуального уложения (Zivilprozessordnung) [28], интересен тем, что национальное арбитражное право интегрировано непосредственно в общий процессуальный кодекс, а не вынесено в отдельный закон, что обеспечивает терминологическое и концептуальное единство между арбитражным и судебным процессом. Узбекистан, напротив, пошёл по пути принятия отдельного специализированного закона, что имеет свои преимущества (более гибкое и быстрое реформирование арбитражного регулирования без затрагивания общего процессуального кодекса), но одновременно создаёт риск рассогласованности терминологии и подходов между Экономическим процессуальным кодексом и Законом № ЗРУ-674, в частности по вопросам обеспечительных мер и распределения судебных расходов.

Опыт Франции, кодифицировавшей арбитражное право в Книге IV Гражданского процессуального кодекса (Code de procédure civile) [29], демонстрирует подход, при котором правовое регулирование внутреннего и международного арбитража разделено на самостоятельные разделы с различным объёмом судебного контроля, причём контроль за международными арбитражными решениями традиционно ограничен ещё сильнее, чем за внутренними. Данная французская модель differentiated

review представляет интерес для Узбекистана с учётом того, что в республике параллельно действуют Закон о третейских судах 2006 года (для внутренних споров) и Закон о международном коммерческом арбитраже 2021 года: чёткое разграничение объёма судебного контроля между этими двумя институтами по аналогии с французским подходом могло бы устранить существующую неопределённость в случаях, когда квалификация спора как внутреннего или международного носит пограничный характер.

Наконец, опыт Сингапура заслуживает особого внимания как пример успешной государственной стратегии превращения юрисдикции в региональный арбитражный центр. Закон Сингапура о международном арбитраже (International Arbitration Act) в сочетании с Регламентом Сингапурского международного арбитражного центра (SIAC) [30] и системной государственной поддержкой (специализированные арбитражные суды, налоговые льготы для арбитражных институтов, программы подготовки арбитров) превратили страну, не обладавшую исторически развитой правовой традицией общего права такого масштаба, как Англия, в один из ведущих мировых центров международного арбитража менее чем за три десятилетия. Для Узбекистана, обладающего выгодным географическим положением на пересечении транспортных коридоров Центральной Азии, данный пример представляет не только теоретический, но и практический интерес как модель построения регионального арбитражного хаба.

6. Основные проблемы и предложения по совершенствованию узбекистанской модели разрешения экономических споров

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд конкретных проблем и предложить пути их решения, представляющие собой авторскую позицию по вопросу о направлениях дальнейшего реформирования узбекистанского законодательства.

Проблема первая: избыточная инстанционность и длительность рассмотрения экономических дел в государственных судах, подрывающая их конкурентоспособность по сравнению с арбитражем. Решение, предлагаемое автором, состоит во введении упрощённого, сокращённого порядка рассмотрения экономических дел с заранее определённой и невысокой ценой иска (по аналогии с приказным производством), а также в законодательном ограничении числа последовательных пересмотров судебного акта по типовым категориям коммерческих споров, что позволило бы сократить общий срок разрешения спора без ущерба для гарантий судебной защиты.

Проблема вторая: отсутствие официальных разъяснений Верховного суда Республики Узбекистан по применению Закона № ЗРУ-674, в особенности по вопросам обеспечительных мер в поддержку арбитража, оснований для отказа в признании и исполнении арбитражных решений, а также пределов проверки наличия действительного арбитражного соглашения (вопрос, остро поставленный английской практикой в деле *Dallah*). Автор полагает необходимым принятие постановления Пленума Верховного суда, системно разъясняющего применение указанного закона по аналогии с тем, как это реализовано в зрелых юрисдикциях через обобщение судебной практики, что устранило бы текущую неопределённость и

повысило бы предсказуемость взаимодействия государственных судов и арбитража.

Проблема третья: дефицит квалифицированных национальных арбитров и недостаточная институциональная инфраструктура для администрирования сложных трансграничных споров на территории республики. Решением, по мнению автора, должно стать системное развитие образовательных программ по международному коммерческому арбитражу на базе профильных юридических вузов с привлечением зарубежных специалистов, а также государственная поддержка узбекистанских арбитражных институтов по модели, апробированной в Сингапуре, включая создание благоприятного налогового режима для арбитражных сборов и продвижение Узбекистана как площадки для администрирования споров в Центральной Азии.

Проблема четвёртая: рассогласованность терминологии и процессуальных механизмов между Экономическим процессуальным кодексом и Законом № ЗРУ-674, в частности по вопросам обеспечительных мер, распределения судебных расходов и взаимодействия с третейским разбирательством по Закону о третейских судах 2006 года. Автор предлагает провести целевую ревизию указанных актов с целью унификации терминологии и процедур, по аналогии с французской моделью дифференцированного регулирования внутреннего и международного арбитража, что снизило бы число квалификационных споров о применимом правовом режиме.

Проблема пятая: субъективное восприятие иностранными инвесторами риска необъективности государственных судов в спорах с участием государственных предприятий и ведомств. Поскольку устранить данное восприятие исключительно нормативными средствами невозможно, автор предлагает комплексный подход: с одной стороны, дальнейшее институциональное укрепление независимости экономических судов и публикацию обобщённой статистики рассмотрения дел с участием государственных структур; с другой стороны, активное продвижение арбитражной оговорки как стандартного условия государственных и квазигосударственных контрактов с иностранным элементом, что снимает саму постановку вопроса о беспристрастности национального суда, поскольку спор изначально передаётся независимому от государства форуму.

Проблема шестая: ограниченная конфиденциальность и публичный характер судебного разбирательства по экономическим делам, способный отпугивать стороны, чувствительные к репутационным и коммерческим рискам. Автор полагает целесообразным рассмотреть возможность точечного расширения оснований для проведения закрытых судебных заседаний по экономическим делам, связанным с охраняемой законом тайной, что частично сблизило бы государственное правосудие с арбитражем по данному параметру без отказа от общего принципа открытости правосудия как конституционной гарантии.

7. Заключение

Проведённое исследование показывает, что государственные экономические суды и международный коммерческий арбитраж в Республике Узбекистан представляют собой не конкурирующие, а взаимодополняющие механизмы разрешения экономических споров, каждый из которых обладает собственной зоной сравнительного преимущества. Государственный суд остаётся незаменимым форумом для споров, не охваченных арбитражным соглашением, обеспечивает более низкие издержки для участников с ограниченными финансовыми ресурсами и опирается на принудительную, общедоступную юрисдикцию. Международный коммерческий арбитраж, в свою очередь, благодаря Закону № ЗРУ-674 и присоединению Узбекистана к Нью-Йоркской конвенции 1958 года, предлагает участникам трансграничного коммерческого оборота гибкость, конфиденциальность и упрощённый механизм международного исполнения решений, что особенно востребовано иностранными инвесторами.

Вместе с тем оба механизма в их нынешнем узбекистанском воплощении сохраняют существенные недостатки — от избыточной инстанционности и длительности государственного процесса до молодости арбитражной инфраструктуры и дефицита судебных разъяснений по применению нового арбитражного закона. Изложенные в статье предложения — от введения упрощённого судебного производства и принятия разъяснений Верховного суда до системного развития арбитражной инфраструктуры по модели Сингапура и унификации терминологии Экономического процессуального кодекса с Законом № ЗРУ-674 —

представляют собой, по мнению автора, реалистичную и поэтапную программу совершенствования узбекистанской модели разрешения экономических споров, способную одновременно укрепить доверие иностранных инвесторов и повысить эффективность защиты прав отечественных субъектов предпринимательства.

Список использованных источников

- [1] Конституция Республики Узбекистан.
- [2] Экономический процессуальный кодекс Республики Узбекистан.
- [3] Закон Республики Узбекистан «Об исполнении судебных актов и актов иных органов».
- [4] Закон Республики Узбекистан «О третейских судах» № ЗРУ-64 от 16 октября 2006 года.
- [5] Закон Республики Узбекистан «О международном коммерческом арбитраже» № ЗРУ-674 от 16 февраля 2021 года.
- [6] Рустамбеков И.Б. The New and First International Commercial Arbitration Law.
- [7] Закон Республики Узбекистан «О медиации».
- [8] Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York Convention), 1958.
- [9] UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration, 1985 (as amended in 2006).

- [10] UNCITRAL Arbitration Rules, 2013.
- [11] UNCITRAL Notes on Organizing Arbitral Proceedings, 2016.
- [12] Треушников М.К. Судебные доказательства.
- [13] Каримов Б.А. Экономическое процессуальное право Республики Узбекистана.
- [14] Нормуродов А.Н. Проблемы совершенствования судебной защиты прав субъектов предпринимательства.
- [15] Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы.
- [16] Born G.B. International Commercial Arbitration. 3rd ed. Kluwer Law International, 2021.
- [17] Prima Paint Corp. v. Flood & Conklin Manufacturing Co., 388 U.S. 395 (1967).
- [18] Fiona Trust & Holding Corporation v Privalov [2007] UKHL 40.
- [19] Moses M.L. The Principles and Practice of International Commercial Arbitration. Cambridge University Press.
- [20] van den Berg A.J. The New York Arbitration Convention of 1958.
- [21] Sulamérica Cia Nacional de Seguros SA v Enesa Engenharia SA [2012] EWCA Civ 638.
- [22] Enka Insaat Ve Sanayi AS v OOO Insurance Company Chubb [2020] UKSC 38.

- [23] Dallah Real Estate v Ministry of Religious Affairs [2010] UKSC 46.
- [24] Park W.W. International Forum Selection. Kluwer Law International.
- [25] Arbitration Act 1996 (United Kingdom).
- [26] Civil Procedure Rules (CPR) of England and Wales.
- [27] Federal Arbitration Act 1925 (USA).
- [28] Zivilprozessordnung (German Code of Civil Procedure), Book 10: Arbitration.
- [29] Code de procédure civile, Livre IV (France).
- [30] International Arbitration Act of Singapore; Rules of the Singapore International Arbitration Centre (SIAC).
- [31] Гражданский кодекс Республики Узбекистан.
- [32] Закон Республики Узбекистан «О договорно-правовой базе деятельности хозяйствующих субъектов».
- [33] European Convention on International Commercial Arbitration, 1961.
- [34] Convention on International Settlement Agreements Resulting from Mediation (Singapore Convention), 2019.
- [35] Federal Rules of Civil Procedure (USA).
- [36] Redfern A., Hunter M. Redfern and Hunter on International Arbitration. Oxford University Press.
- [37] Lew J.D.M., Mistelis L.A., Kröll S. Comparative International Commercial Arbitration. Kluwer Law International, 2003.

[38] Fouchard P., Gaillard E., Goldman B. International Commercial Arbitration. Kluwer Law International, 1999.

[39] Ярков В.В. Арбитражный процесс.

[40] Рустамбеков И.Б. Международный коммерческий арбитраж в Республике Узбекистан.